

**ПОЛЕВАЯ КУХНЯ: КАК ПРОВЕСТИ
ИССЛЕДОВАНИЕ / ПОД. РЕД. Н. ГОНЧАРОВОЙ.
УЛЬЯНОВСК: СИМБИРСКАЯ КНИГА, 2004. — 180 с.**

Сборник статей «Полевая кухня», выпущенный исследовательской командой НИЦ «Регион», достаточно необычен. Написанный на материале конкретных социологических исследований «стигматизируемых практик» употребления алкоголя и наркотиков молодежью, в том числе в «закрытых» культурах «скинхедов», «брейкдансеров», «скейтеров», он вводит читателя в профессиональное поле социологии латентных групп. Авторы рассказывают о причинах наркотизации молодежи в нашей стране, о наиболее распространенных мифах, касающихся молодежных субкультур и их реальных проблем.

Богатый эмпирический материал является фоном для раскрытия методологических, технических и этических проблем социологических исследований в латентных группах. Это практический опыт работы с респондентами непосредственно в «поле», причем сама работа небезопасна и для респондента, и для исследователя, степень достоверности данных имеет достаточно ощутимую цену. За «понимание другого» исследователь платит моральным и физическим дискомфортом в процессе вживания в иную среду, изменением своего образа жизни, принятием зачастую чуждых ему представлений и ценностей. Он должен свыкнуться и с пассивной ролью наблюдателя, невозможностью вмешаться, принять чью-то сторону, кого-то защитить и т. п.

Форма и содержание большинства статей возвращает нас к истокам качественных методов. Рефлексия исследовательского опыта, детальное описание поведения социолога в поле, чувства одиночества, разочарования и депрессии (статьи И. Кастериной и Э. Шарифуллиной) удивительно напоминают дневники автора «Аргонатов Тихого океана» Б. Малиновского [1], опубликованные его вдовой в 1960 г. Малиновский писал, что никогда не сможет принять чужую для него культуру и раствориться в ней; тем не менее, он полагал, что непосредственное изучение респондентов в обычных для них условиях предпочтительнее, чем использование платных информантов, и что длительность пребывания исследователя в изучаемой среде, выполнение ее норм и правил поведения, знание соответствующего языка и символики смягчает последствия его вторжения в «поле» [2].

До сих пор эти методологические и методические вопросы полевых исследований остаются актуальными, а подробное их рассмотрение вносит вклад в эволюцию социологических методов исследования.

Первая статья сборника посвящена проведению анкетного опроса о распространенности наркотиков в молодежных и подростковых компаниях. Это единственная «количественная» статья в сборнике, во всех остальных речь идет о качественных методах — интервью и включенном наблюдении. В этом просматривается определенная позиция авторов, которые стремятся уйти от дилетантских, на наш взгляд, споров о том, какой метод наиболее эффективен в познании социальных феноменов, причем это делается в «вотчине качественников» — исследовании латентных групп.

Такая позиция подкреплена выводами Е. Лукьяновой относительно возможностей массового опроса с целью определения уровня наркотизации

молодежи. Показаны проблемы использования «нечувствительных» и «эмпирических» (с использованием сленга субкультур наркоманов) индикаторов, сложности в интерпретации результатов исследования при опросах по месту жительства или учебы. Тем не менее мы можем увидеть, что некоторые выводы затруднительно было бы получить, используя только интервью и наблюдения. Например, вывод о том, что некоторые практики потребления психоактивных веществ из-за масштабов их распространения нельзя назвать молодежной субкультурой, так как это уже социальная норма, требует количественного обоснования. В то же время собственно наркоманская молодежная субкультура остается за рамками массового опроса в силу своей латентной природы, и поэтому здесь более продуктивными могут быть качественные методы.

Очевидна ограниченность количественного подхода при столкновении с множественной идентичностью респондента и всем богатством его мотивационной сферы. Ведь потребление наркотиков может быть «кодом доступа» как в молодежную компанию, так и «во взрослый мир»; как способом решения своих проблем, так и продуктом интервенции наркодилеров.

Логика повествования приводит читателя к мысли, что проблема состоит не в использовании того или иного метода, а в отсутствии у современных исследователей продуктивной модели процесса наркотизации молодежи в условиях, когда прежняя «наркокультура» конца 1980-х — начала 1990-х ушла в историю, а новая столь разнообразна и неоднозначна.

В этом заключается, на наш взгляд, главное обоснование структуры сборника. Довольно часто можно увидеть, что качественное исследование рассматривают как «предысследование», некое вступление к «настоящему» исследованию, задача которого — наметить гипотезы, дать варианты вопросов, предложить схемы интерпретаций и т. п. В данном случае анкетный опрос как бы «размечает поле» для глубинных интервью и этнографического наблюдения, показывая многомерность социального пространства мнений и поведения молодежных групп в отношении потребления наркотиков.

Возможно, читателю будет трудно счесть «нормальной» ситуацию, когда результаты опроса входят в противоречие с результатами интервью, те, в свою очередь, — с данными включенного наблюдения и все вместе противоречат здравому смыслу. Например, в статье Е. Омельченко описана ситуация, когда в ходе массового опроса оказалось, что уровни наркотизации молодежи в Сочи и Воркуте различаются на целый порядок. Этот результат, по словам авторов, «противоречил не только здравому смыслу, но и результатам интервью и наблюдения» (с. 172).

Однако исследователи пошли не по пути перепроверки методики своего проекта, а сделали из этого вывод об особенностях социального контекста наркотизации молодежи в этих городах. Они выявили, что в Сочи «травя» не является наркотиком и употребление «легких» наркотиков и домашнего вина — практически норма, поэтому респонденты не считают себя и своих знакомых потребителями наркотиков и спиртного. В Воркуте местная культура не табуирует тему алкоголизации и употребления «травы», поэтому вопросы анкеты не «фильтруются» респондентами и они отвечают «как есть», на их взгляд.

Этот пример важен для понимания сути триангуляции в социологических исследованиях. Упрощенно этот исследовательский подход представляют как некий «винегрет» из теорий и методик, перекрестные интерпретации исследователей, сопоставление с результатами других, сходных, работ, повторных «замеров» на том же объекте через какое-то время и проч. Но автор статьи обращает внимание на то, что ценность триангуляции как метода заключается не только в «выравнивании» результатов исследования, но и в обнаружении и объяснении того, что «не соединяется» и не объясняется в рамках каждого из методов. Таким образом мы можем обнаружить иные картины мира наших респондентов и делать то, к чему нас призывал А. Шютц, а именно: искать «конечные области значений» (*finite provinces of meaning*), на основе которых человек создает социальную реальность, объективную для него в той степени, в какой он доверяет своему опыту» [3].

Авторами сборника действительно удалось представить читателям богатый арсенал техник качественного исследования: доступ к полю, установление доверительных отношений с респондентами, способы знакомства с информантами и безболезненного выхода из «поля». Конкретные примеры использования этих техник раскрывают «кухню» полевого исследования и дают яркое и эмоциональное представление о жизни социолога в «поле».

Однако некоторые положения в тексте, на наш взгляд, выглядят спорными. Например, утверждение о том, что исследователю нужно использовать жаргон или сленг в ходе интервью или в процессе «участвующего» наблюдения. Авторы придерживаются мнения, что «надо говорить с респондентами на их языке» (с. 74), знать молодежную лексику, понятия субкультур и т. п. То, что надо знать, спору нет. Но надо ли говорить с наркоманом или скинхедом на его языке? Если да, то в каком контексте, и т. п.?

Почему эти вопросы важны? Прежде всего, в латентном «поле» мы сталкиваемся с известным барьером — «ты не из наших». Сыграть роль знатока и тем более «нашего» мало у кого выходит. Чаще всего вместо полной мимикрии социолог-наблюдатель «одевается в шкуру» профессий или ролей, менее «мутных» для понимания респондентами как его занятия, так и целей появления среди них. Это может быть журналист, писатель, студент-дипломник, аспирант, подруга или друг, знакомый знакомых.

Но это само по себе еще не снимает проблемы понимания и установления доверия. Обратите внимание, как говорят со своими «клиентами» опытные врачи и адвокаты. Отсутствие специфических оборотов в их языке не мешает им собрать необходимую информацию и завоевать доверие. Есть и примеры «высшего пилотажа». Вспомним песни В. Высоцкого. Феномен был в том, что он говорил на одном языке, без особых «спецэффектов», но ветераны войны были уверены, что он воевал, зэки — что «сидел», спортсмены — что занимался спортом. Он был понятен всем социально-профессиональным группам общества, и многие из них считали его своим.

Другой спорный момент связан с тем, что Т. Левагина в своей статье (с. 78) назвала полевой установкой «не оценивать, не быть шокированной, не быть обрадованной». Барух Спиноза тоже видел своей задачей «не плакать, не смеяться, а понимать», но даже у него это плохо получалось, судя по эмоциональным высказываниям, которые до нас дошли. Здесь дело не в том, что произвольно отключить эмоции перед «полем», сохраняя психическое здоровье,

весьма затруднительно. Проблема в том, что с такой установкой на объективность и «незамутненность» взгляда можно не заметить своего давления на респондента и «испортить поле», будучи уверенным, что «все под контролем».

Более продуктивная, хотя и более трудная задача — овладение навыками «двойной рефлексивности» [4] по отношению к объекту исследования. С одной стороны, социолог должен понимать, что его мысли и эмоции — это рефлексия по поводу рефлексии респондента, а с другой — постоянно отслеживать и регулировать свои эмоции, вербальные реакции на ситуацию. Тогда можно будет не скрывать и не подавлять свои эмоции, а просто не испытывать их настолько остро, чтобы возникла необходимость их «отключать».

В заключение отметим, что рассматриваемая книга — хороший повод для профессионального разговора о теории и практике социологических исследований, а также ценный учебный материал для тех, кто предпочитает «самостоятельно готовить» на полевой исследовательской «кухне» и хочет научить этому других.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. London: Routledge 1922.
2. *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 37.
3. *Schutz A.* Symbol, reality & society // Collected papers 1. The problem of social reality. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 230.
4. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 69–92.

И.Е. Штейнберг,
кандидат философских наук